

Источник: Р.Шатобриан. Ренэ. Б. Констан. Адольф. "История молодого человека XIX века" - Серия романов под редакцией М.Горького. М.: Журнально-газетное объединение, 1932, Стр. 77-144.

OCR: В.Есаулов, 20 февраля 2003 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Не без некоторого колебания согласился я на переиздание этой маленькой книги, выпущенной десять лет назад. Если бы я не был почти убежден в том, что это сочинение хотели подделать в Бельгии, подобно большинству распространяемых в Германии и ввозимых во Францию подделок, искажив его добавлениями и вставками, в которых я не принимал участия, то я бы никогда не стал заниматься этой повестью. Она написана с единственной мыслью - убедить двух-трех друзей, собравшихся в деревне, в возможности создать интересный роман, в котором было бы только два лица, находящихся все время в той же ситуации.

Но коль скоро я занялся этой работой, я захотел развить несколько других мыслей, пришедших мне в голову и показавшихся мне не бесполезными. Я пожелал изобразить то зло, которое испытывают даже жестокие сердца, когда они причиняют страдания, и то заблуждение, которое заставляет их считать себя или более легкомысленными, или более испорченными, чем это есть на деле. На известном отдалении причиняемое нами страдание кажется смутным и неясным, подобно облаку, через которое легко пройти; чувствуешь поддержку в одобрении лицемерного общества, заменяющего принципы правилами и душевные побуждения - приличиями, ненавидящего скандал, как нечто надоедливое, но не безнравственное, потому что общество довольно охотно мирится с пороком, которому не сопутствует скандал. Думают, что связи, в которые вступают необдуманно, рвутся без труда. Но когда мы видим тоску, рождаемую порванной связью, это горестное изумление обманутой души, это недоверие, сменяющее прежнее доверие, столь полное, - недоверие, которое, будучи вынуждено обратиться против единственного в мире существа, обращается теперь на весь мир, это отвергнутое уважение, не находящее больше себе места, - тогда мы чувствуем, что есть нечто священное в сердце, которое страдает от того, что любит; мы открываем, как глубоки корни привязанности, которую мы внушали, и, казалось, не разделяли; и если мы преодолеем в себе эту, так называемую, слабость, то этим только разрушим все, что в нас есть великодушного, пожертвуем всем, что в нас есть благородного и доброго. Мы выходим из этой победы, с которой нас поздравляют равнодушные люди и друзья, умертвив часть собственной души, оттолкнув симпатию, злоупотребив слабостью, избрав ее поводом для жестокости; и, уничтожив лучшее своей натуры, мы продолжаем жить, устыженные или развращенные этим печальным успехом.

Такова картина, которую я хотел нарисовать в "Адольфе". Не знаю, удалось ли мне это; но, по видимому, в моей повести есть известная доля правды, потому что почти все те мои читатели, которых я встречал, говорили мне о себе, как о людях, бывших в положении моего героя. Правда, в их огорчении от причиненных ими страданий проглядывало какое-то удовлетворенное тщеславие; им нравилось изображать себя, подобно Адольфу, преследуемыми упорными привязанностями, которые они внушали, и жертвами огромной любви, вызванной ими. Я думаю, что в большинстве случаев они клеветали на себя и что если бы их не мучило самодовольство, то и совесть их была бы спокойна.

Но, как бы то ни было, все, что касается "Адольфа", стало для меня весьма безразличным. Я не придаю никакой цены этому роману и повторяю, что моим единственным намерением было, - переиздавая его для публики, которая, по всей вероятности, забыла его, если и вообще когда-нибудь знала, - объявить, что всякое другое издание исходит не от меня, и я за него не отвечаю.